

СЕРГЕЙ ПЕТРОСЯН

ХОЛОДНЫЙ ГОРОД

«РОУД-МУВИ»

Сергей Петросян

Холодный город

«Издательские решения»

Петросян С.

Холодный город / С. Петросян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-66572-9

Новая книга Сергея Петросяна «Холодный город» — это физиологический очерк Ленинграда, созданный в стилистике магического реализма. Приключения двух друзей — не более, чем фабула, помогающая рассказать, чем жил Город конца 70-х годов прошлого века.

ISBN 978-5-457-66572-9

© Петросян С.
© Издательские решения

Холодный город «Роуд-муви» Сергей Петросян

*«О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал. Негодяй в грязном колпаке – повар столовой нормального питания служащих центрального совета народного хозяйства – плеснул кипятком и обварил мне левый бок...»
М. А. Булгаков «Собачье сердце»*

© Сергей Петросян, 2016

© Поль Гюстав Доре, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Холод в Ленинграде особенный. Он чем-то похож на холод южных приморских городов дождливой зимой. Показания градусников за окнами не имеют никакого значения – южная зима не бывает морозной, но ощущение постоянного озноба не покидает тебя неделями. «Приморский» на подсознательном уровне означает «летний, курортный», и весь жизненный уклад определяют лето и жара. На стенах комнат вместо теплых на ощупь обоев – холодная штукатурка. Печек и радиаторов нет – их заменяют бесполезные зимой козырьки от солнца и вентиляторы. Место каминов – на балконах и во дворах. Влажный пронизывающий ветер, дующий с моря, загоняет тебя в помещение, но ледяные стены и сырость выталкивают тебя обратно на улицу, где, если повезет, можно найти безветренный уголок и подставить уставшее бороться с холодом тело редкому зимнему солнцу.

Такая «южная зима» начинается в Ленинграде в конце сентября. Холодные ночи и дожди быстро охлаждают город, согретый недолгим северным летом, а время «отопительного сезона», по мнению коммунальных работников, все не наступает. Возвращаясь в холодную квартиру, ленинградец первым делом трогает чугунную батарею в прихожей: «Не включили?» Но равнодушный чугун еще долго остается ледяным. Главные темы разговоров при встрече – хвастливое «а у нас уже топят!» или озабоченное «когда дадут?»

Когда же приходит настоящая зима, квартиры в старых домах пышут жаром. Метровой толщины стены и заклеенные бумажными лентами оконные рамы держат тепло и заставляют трещать от недостатка влаги дореволюционный паркет и многослойные обои на стенах. Полярная ночь опускается на крыши и совсем не хочется выходить на улицу в сырость и темноту. Город считается приморским, и, хотя моря здесь не видно, его присутствие чувствуется во всем – огромные чугунные якоря на постаментах, Нептуны и наяды на фасадах, серьезные люди в морской форме, куда-то спешащие по утрам и ветер, холодный сырой ветер. Даже небольшой мороз здесь пронизывает до костей. Ледяной влажный воздух проникает в рукава и за шиворот, заставляет ежиться и подпрыгивать людей в очередях и на остановках, загоняет погреться в булочные и вестибюли метро.

Пятерка на двоих – достаточная сумма, чтобы скоротать зимний вечер в то спокойное время, когда зимняя сессия миновала, а до летних экзаменов еще так далеко, что даже не верится, что они когда-нибудь будут. Если озаботиться заранее, и взять билеты на вечер в кино, то еще останутся средства на пару рюмок коньяку в буфете перед сеансом. Со сцены в фойе толстая тетка в вечернем платье объявит голосом учительницы младших классов: «Композитор – Пол Маккартни... (пауза) ... „Вчера“». И будет играть оркестр, и душу будет

греть не только коньяк, но и сознание того, что на Невском – стужа и слякоть, а толпа неудачников штурмует кассу в надежде купить билетик «с брони».

Разумеется, ни Серый, ни Димон ни о каких билетах заранее не побеспокоились. Поеживаясь от мороза, они совершают ритуальный обход кинотеатров в центре. Начинают всегда с главного треугольника – «Колизей», «Художественный» и «Октябрь». Здесь крутят самые кассовые (в основном, иностранные) ленты. К тому же, в «Художественном» и «Колизее» по два зала и шансы на успех повышаются. Этим вечером на всех кассах красуются таблички «На сегодня все билеты проданы», а в грязных лужах фойе топчутся желающие купить лишний билет. Переходят Фонтанку. Здесь находится второй треугольник – «Аврора», «Родина» и «Молодежный». В их репертуаре преобладают отечественные фильмы и старая проверенная классика – «Вестсайдская история», «Смешная девчонка» или «Фантомас». Первым делом проверяют «Аврору». Проходят через сияющую бегущими дорожками из лампочек подворотню, которую в народе прозвали таинственным и красивым словом «бурлеск», но внутрь не заходят. Через стеклянные двери видна все та же безнадега – закрытые кассы и маленькие группы людей с немим вопросом в глазах: «Как убить время?» Пятничный вечер и мороз не оставляют шансов приобщиться к «важнейшему из искусств».

Дальше по «треугольнику» не идут – бесполезно. Забегают погреться в Елисеевский. «Гляди, – Димон толкает Серого локтем в бок, – три квадратика горят. Убрали бы этот иконостас от голодных глаз». Огромное световое табло с названиями колбас и мясных деликатесов занимает почти всю стену справа от входа. Сегодня в продаже «докторская» по 2.20, «ветчинно-рубленая» по 2.90 и «яичная» по 2.60. Остальные квадратик с надписями «*брауншвейгская*», «*телячья*», «*языковая*», «*сервелат*», «*карбонат*» уже давно не горят, но прекрасно читаются на матовом стекле и звучат для студенческого уха словно названия экзотических стран. Серый любит переиначивать слова из учебника по русскому языку и, встав в «позу вождя», декламировать на весь магазин: «Становятся историзмами и уходят в далекое прошлое такие слова, как „бекон“, „ветчина“, „буженина“...» В этот раз настроения шутить уже нет. Димон с надеждой осматривает витрину винно-водочного отдела. Ярким пятном выделяются пестрые бутылки «Мурфатлар» и «Котнари» – сладкие десертные вина из братской Румынии. В такой холод и на пустой желудок они вызывают лишь грусть и напоминают о том, что до лета и солнца еще так далеко... Коньяки (армянский, дагестанский и молдавский) расставлены не по винодельческим регионам, а по звездности. Это напоминает армейскую субординацию, где генералы – марочные, важно стоят в верхних рядах, а всякая трехзвездочная шушера скромно отирается на нижних полках. Самый дешевый армянский стоит 8.12 и в бюджет не вписывается. «Советское шампанское» за 3.50 в сегодняшнем контексте взгляд не останавливает и совсем не настраивает на алкогольно-философский лад. Хочется тепла и задушевности.

Можно было, конечно, дойти до «Сайгона» на углу Невского и Владимирского, и, взяв по двойному кофе за 28 копеек, засесть на широченном подоконнике, глаза на круговерть бородатых личностей с холщовыми сумками через плечо. Потягивать остывающий напиток, кивать знакомым и «перетирать» последние новости.

«Вы были на последнем сейшене в Крупе?»

«Прочитую вам Авторханова...»

«Ленечка, выручаете двенадцатью копейками?»

«Лысый, пойми, времена бульдозерных выставок прошли...»

Но идти в «Сайгон» сегодня глупо – туда идут, когда денег нет даже на метро, а пятерка выводит друзей на более солидный уровень, «карасс», как любит говорить Серый, цитируя Воннегута.

– Ну что – в «библиотеку»? – спрашивает Димон.

– Похоже, у интеллигентных людей сегодня нет альтернативы. – грустно отзывается Серый.

«Библиотекой» они называют подоконник за кассой винного магазина возле «кирхи». «Кирхой» прозвали плавательный бассейн на Невском. Когда-то в этом неоготическом здании располагалась лютеранская церковь Петра и Павла, а теперь туда приводят заниматься плаванием школьников. Вестибюль тесный, и родители коротают время в ожидании своих чад как могут. Женщины успевают сбежать в универмаг «ДЛТ» через проходной двор, а у папаш выбор побольше – кафе «Лягушатник» и винный магазин, расположенные в соседних домах. Причем винный, в отличие от пафосного «Елисеевского», славится своей демократичностью. Дорогих коньяков и деликатесов здесь не бывает, зато почти всегда можно разжиться «вином» (дешевым крепленным напитком) или «маленькой» (водкой, разлитой в бутылки по 0.25 л).

В главный зал «Лягушатника», прозванного так за зеленые бархатные диваны, попасть непросто – по вечерам тут стоит очередь из желающих поесть мороженого с сиропом из алюминевых вазочек и выпить бокал шампанского. Можно также заказать «сифон» – большую стеклянную бутылку в металлической сетке с краном-рычагом, в которую под давлением накачивают газированную воду. При нажатии на рычаг из носика «сифона» с шипением вырывается струя пенного напитка, обливая всех вокруг и вызывая взрывы хохота. Посреди заведения красуется музыкальный автомат, один из последних работающих экземпляров. После визита Хрущева в США они появились во многих кафе и ресторанах, но теперь только здесь можно, опустив пятикопеечную монету в щель, ткнуть кнопку с номером пластинки и через некоторое время услышать сквозь шипение винила: «Червону руту нэ шукай вечорами...» Есть в «Лягушатнике» и зал попроще – без гардероба и бархатных диванов. Зато здесь продают потрясающие пирожки с яйцом и луком. Папаши, сплотившиеся за время ожидания своих отпрысков, забивают пару столиков и отправляют «гонца» в магазин в соседнем доме за водкой – «Кубанской» (со вкусом лимонных корочек) или «Андроповкой» (без выкрутасов, но дешевле на рубль).

«Библиотекой» подоконник за кассой Серый и Димон прозвали за то, что иногда коротают здесь такие зимние вечера за бутылкой «сухаго» или водки, пересказывая друг другу новости самиздата. Запрещенные книжки, отпечатанные на машинке или фотоспособом, обычно даются на одну ночь, и тот, кому повезло в этот раз, делится прочитанным. Это – нормальный студенческий способ обмена информацией, отработанный во время сессий, когда выясняется, что список обязательной литературы в своем физическом воплощении напоминает пару кубометров дров. Тогда студенты самоорганизуются и разбирают «дрова» на «поленья». Каждый читает с пристрастием свою порцию и готовит доклад с цитатами на «литературном семинаре» накануне экзамена.

Высокая пластиковая стена кассы загораживает подоконник от стоящих в очереди, а батарея приятно греет замерзшие ляжки, обтянутые индийскими джинсами Miltons. Если вести себя тихо, то можно сидеть в тепле до девяти часов, пока магазин не закроется и сердитая уборщица не начнет выгребать пропитанные водой стружки, которыми каждый день посыпают кафельный пол. Пустые бутылки по традиции оставляют ей. Стеклотара стоит в приемном пункте от 12 копеек за пивную бутылку до 17 за «бомбу» – большую винную.

Троллейбуса не ждут – припускают бегом вдоль освещенных витрин. И холодно, и время поджидает – алкогольные напитки крепостью выше 30° продают только до 19:00. Димон бежит впереди, далеко выбрасывая ноги в суконных ботах на молнии, трет руками замерзшие уши. Серый отстал. Уши у него не мерзнут – на голове красуется модная шапка-петушок машинной вязки, зато ноги скользят в польских сапогах на скошенном каблуке. Разбрызгивая слякоть, несутся по «трубе» – подземному переходу под Садовой. Буксуют на подъеме – скользко. Серый, размахивая руками, едет по наледи назад, но успевает вце-

питься в железную трубу перил. Возле «Севера» замерзшая на ветру очередь и народ с работы идет – не протолкнуться. Приходится бежать по мостовой. На углу Бродского силы кончаются – идут шагом. У «Садко» мерзнет стайка фарцовщиков, одетых одинаково, как воспитанники элитного детдома. Все в коротких пуховках, на головах – черные кроличьи шапки. Джинсы-бананы, широкие в ляжках, узкие внизу, придают модную кривизну. У каждого из под пуховки свисает длинный конец ремешка из белого брезента, на ногах – зимние кроссовки на искусственном меху, предмет зависти окружающих. Вечером они здесь – «бомбят» туриста на предмет шмоток и валюты. Днем – на «галёре» – галерее Гостиного двора, торгуют добытым добром. Среди «детдомовцев» есть пара знакомых лиц – бывшие однокурсники, отчисленные за хронические прогулы, можно остановиться поболтать, но холод гонит друзей дальше.

У «микроклимата» Серый не выдерживает: «Зайдем, погреемся?» В углублении выхода станции метро «Канал Грибоедова» укрытие от непогоды – из непрерывно распаивающихся стеклянных дверей дует теплый ветер, пахнувший железнодорожными шпалами. Здесь всегдалюдно – тепло, самый центр, метро рядом, удобно назначать встречи. На «микроклимате» кучкуется, в основном, неформальная молодежь. Сказывается близость «казани» – колоннады Казанского собора, где с дореволюционных времен собирались студенты. Царское правительство даже вынуждено было разбить сквер с фонтаном на территории, которую полукругом охватывает колоннада, дабы не оставить смутьянам места для митингов. Хорошо, что архитектор Воронихин не видит, как поступили с его попыткой создать подобие площади Святого Петра в Ватикане. Сейчас на «казани» обитают доморощенные хиппи, панки, пацифисты и прочие, не желающие быть похожими на других, индивидуумы. После итальянского фильма «Площадь Сан Бабила, 20 часов», где молодые неофашисты встречались на каменных ступенях церкви в Милане, «казань» прозвали «санбабилой». Но сейчас холодно, и вся «система» переползла в теплую нишу «микроклимата». Гремит музыка из маленького кассетного магнитофона, дымятся папиросы, на гранитном пандусе не протолкнуться. Серый с Димоном с трудом проталкиваются в теплую зону, то и дело отвечая на приветственные похлопывания по плечу – здесь все друг друга знают.

На Невском три таких удобных для встреч места: «микроклимат», «птички» и «маяк». «Птичками» прозвали балкон над эскалаторами станции «Гостиный двор», соединяющий Садовую и Невскую линии универсама. Много лет подряд здесь размещалась выставка птиц, которые веселым чириканьем встречали и провожали пассажиров, проплывающих под ними на эскалаторах. Выставки давно уже нет, а название осталось. Здесь назначает встречи публика посolidнее – семьи с детьми, командированные и влюбленные в стадии ухаживания. «Маяк» – вестибюль станции «Маяковская». Для романтического свидания это место плохо подходит – постоянный сквозняк между двумя выходами на улицу, мокрый пол и плотный поток людей. Встречаются здесь, в основном, по делу. Ждут друг друга у правой стены, возле автоматов для продажи газет (еще один след визита Хрущева в США).

Димон перестает тереть замерзшие уши, подставляет лицо под поток теплого воздуха с запахом креозота. Стоять в проходе долго не получается – час пик еще не кончился, и идущие с работы люди нещадно толкают его плечами и кошелками. С пустыми руками почти никто не идет. По дороге домой надо пройти через несколько магазинов и, если повезет, купить продуктов на пару дней вперед: десяток яиц в бумажном мешочке, пельмени в картонной пачке, кефир в стеклянной бутылке с широким горлышком и крышечкой из фольги, плавленый сырок «Дружба». Большие холодильники – редкость, так что процесс охоты за едой не прекращается ни на день. Развитое чувство добытчика безошибочно подсказывает спешащим людям место на улице, где скоро будут «давать» цыплят по 1.75 или тушонку в обмазанных солидолом жестяных банках. По неуловимым признакам: двум поставленным на попа деревянным ящикам или сломанному железному стулу, стоящему у витрины,

опытный охотник сразу понимает, что минут через двадцать хмурый грузчик привезет сюда тележку с товаром и большие железные весы. Значит, надо занимать очередь и охранять ее от желающих образовать такую же с другой стороны. У каждого с собой «авоська» – сплетенная из прочных нитей сумка. В сложенном виде помещается в карман или в дамскую сумочку, зато при необходимости может выдержать груз до десяти килограмм. Зимой авоська служит холодильником – если удастся купить пару килограммов мяса, то можно вывесить продукты из форточки на улицу. Полиэтиленовые пакеты – редкость. Красивые импортные с надписью «*Marlboro*» или «*Montana*» покупают у фарцовщиков по 3 рубля за штуку и продукты в них не таскают, а используют как сумку или портфель. Их берегут и периодически бережно моют и сушат.

Получив несколько тычков от выходящих из метро людей, Димон отходит в сторону. Проплывающий мимо людской поток разительно отличается от тусующейся на «микроклимате» молодежи. У идущих с работы лица угрюмые, но целеустремленные. Тяжелые зимние пальто сплошной серо-черной стеной рассекают пеструю толпу галдящих, хохочущих и никуда не спешащих ребят в пестрых шарфах, вязаных шапках, с круглыми значками-пацфиками на куртках. Это напоминает место впадения бурной реки в теплое море – мутный поток холодной воды далеко отходит от берега, не желая перемешиваться с новой комфортной средой. «Надо быть морем, – вспоминает Серый, – чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым...»

Однако надо поторапливаться. Согревшись и переведя дух, друзья снова бегут в сторону «кирхи». На мосту через канал Грибоедова стоит тележка с мороженым. В тетке-продащице сразу можно определить профессионала: огромный тулуп под белым халатом, пуховый платок под меховой шапкой, валенки исполинского размера и квадратный деревянный щит под ногами – без него ледяной асфальт за несколько часов промораживает любую обувь. За ее спиной в конце канала на фоне ночного неба проступает контур много лет одетого в леса Спаса-на-Крови. Есть что-то зловещее в этой огромной бабе с мертвым собором за спиной. Мороженое покупают, в основном, домой, на ужин. Берут брикеты в картонных коробках по 48 копеек или «Ленинградское», похожее на большой кусок хозяйственного мыла, за 22.

Который час? Доставать руку из кармана на морозе не хочется и Серый на бегу оборачивается к бывшей пожарной каланче над Думой. Светящийся в темноте циферблат показывает без двадцати семь. Можно успеть. На углу Софьи Перовской и Невского с разгону чуть не влетают под колеса новенького Москвича. Водитель, солидный мужик в очках и ондатровой шапке, отчаянно тормозит, но машина, не снижая скорости, продолжает скользить по снегу на заблокированных колесах, пока не утыкается в поребрик. Пока хозяин вылезет из-за руля не ждут – бегут дальше. Москвич не три копейки стоит, мало ли, что он там себе поцарапал.

Вот и «библиотека». Димон первым влетает в пахнущее прокисшим вином и свежими стружками тепло подвала, крикнув Серому через плечо: «В кассу займи!» Сам бежит в отдел на разведку. Очередь в кассу небольшая – человек двадцать. Серый становится в конец, а за ним почти сразу выстраивается еще несколько таких же запыхавшихся парней. Все смотрят на часы и приводят себя в порядок. Кто-то отряхивает снег с колен (видимо, упал, торопясь), другие поправляют съехавшие на бегу набок шапки и шарфы. Трое пожилых мужиков в углу лихорадочно выгребают мелочь из карманов. Наконец появляется Димон.

– Ну, что там? – спрашивает Серый.

– Гавана в лоб. Нам хватит.

«Гаваной-в-лоб» называют появившийся недавно кубинский ром «Havana Club» ленинградского разлива. Разливают его на заводе «Арарат» в водочные бутылки с пробкой из толстой фольги, которую в народе зовут «пей до дна» или «бескозырка». Стоит он как самая дешевая водка – 4.12, так что в сегодняшний бюджет вписывается. Серый пробивает бутылку рома и две конфеты «Кара-Кум» по 12 копеек. Пить без закуски друзья считают моветоном.

Наконец заветная бутылка с заокеанской жидкостью попадает в карман болониевой куртки Димона. На часах – без двух семь.

– Зайдем места в партере, коллега? – галантно вопрошает Серый.

– Вы правы, сударь, оттуда будет удобнее лорнировать ложи, – подхватывает Димон.

Они проскальзывают в закуток у кассы и устраиваются на теплой батарее. До закрытия магазина почти два часа, можно никуда не спешить, и, если вести себя тихо, никто не помешает неторопливой беседе. Тема для «коллоквиума» появилась еще вчера. Серый на одну ночь раздобыл «Так говорил Заратустра», размноженную на ротапринте. Пришел на занятия с красными глазами и дал копию Димону, но только на первую пару. Потом книгу надо было возвращать владельцу. Полтора часов Истории КПСС не хватило, чтобы познать мудрость Ницше, и теперь Серый собирается восполнять эту лакуну в образовании друга.

Через полчаса первая конфета съедена, а забывший об осторожности Серый, размахивая руками, декламирует по памяти:

– *«Враг должны вы говорить, а не злодей; больной должны вы говорить, а не негодяй; сумасшедший должны вы говорить, а не грешник...»*

– Тысячелетняя мудрость, – замечает Димон, делая глоток рома из горлышка, – древние персы в изложении немецкого гения...

– Позвольте с вами не согласиться, – раздается неожиданно голос из-за кассы.

* * *

– Скажите, эти пряжечки на туфлях у вас позолоченные или же просто золотые?

– Просто золотые...

Н. Носов. «Незнайка в Солнечном городе»

Друзья синхронно повернули головы в сторону говорящего. Опираясь на пластиковую стенку, на них с усмешкой взирал довольно странный тип. Пожилой, лет за шестьдесят, сухощавый. Седая борода и круглые очки делали его неуловимо похожим на Троцкого. Новенькая импортная дубленка никак не сочеталась с солдатскими валенками в блестящих галошах и потертой на углах спортивной сумкой с надписью «Олимпиада-80», надетой по-почтальонски через плечо. Довершал образ женский мохеровый берет явно ручной вязки.

Выпивающий в людном месте человек в любом городе СССР всегда становится объектом ухаживания со стороны тех, кто не успел до 19:00 или по экономическим причинам не смог стать временным владельцем бутылки водки, шнапса, ракии, чачи или любого другого аквавита. В студенческой среде это называлось «садиться на хвост». Но вид у «Троцкого» был отнюдь не заискивающий, скорее, снисходительный.

– С чем же вы не согласны? – осторожно спросил Серый.

– Вы позволите? – «Троцкий» кивнул на подоконник. – А то как-то неудобно беседовать через порог.

– Сделайте милость, присаживайтесь, – подвинулся Димон и, взяв бутылку «Гаваны-в-лоб» в руку, символически обмахнул подоконник от невидимой пыли.

Незнакомец с удобством пристроился на освободившемся месте, достал из кармана дубленки кружевной носовой платок и протер запотевшие с мороза стекла очков.

– Разрешите представиться, – произнес он торжественно, – Иблисов Вил Аполлионович, практикующий философ.

– Вил – это, видимо, **Владимир Ильич Ленин**? – блеснул эрудицией Димон.

– Полагаю, что здесь возможна и другая этимология, – ответил новый знакомый. – Впрочем, как вам будет угодно.

– А разве бывают практикующие философы? – поинтересовался Серый.

– Уверяю вас, они всегда были и будут. Спрос на идеи превышает предложение.

– Вы сказали, что с чем-то не согласны, – напомнил Серый.

– Да-да – я не смог согласиться с утверждением вашего друга о сочетании мудрости древних парсов с гением Ницше. Вы ведь его так эмоционально цитировали?

– Что же тут несовместимого, Вил Апол-л-и-онович?

– Дело в том, что Фридрих Вильгельм Ницше не читал ни Старшую, ни Младшую Авесту, а представление об образе Зороастра составил из «Западно-Восточного дивана» Гете и «Волшебной флейты» Моцарта.

– Так вы еще и литературовед? – с иронией спросил Димон.

– Каждый практикующий философ обязан быть немного литературоведом. Впрочем, коллеги, я ведь оторвал вас от тихих радостей, – Иблисов кивнул на бутылку в руках Димона, – так позвольте предложить достойный кубок для вашего земзема. Негоже интеллигентным людям пить из горлышка.

Вил Аполлионович порылся в сумке «Олимпиада-80» и на свет появился обернутый для сохранности газетой хрустальный стакан, оправленный в серебро. «Прошу вас, – он освободил стакан от бумаги и протянул его Серому, – за чистоту сосуда ручаюсь». Серый почему-то покраснел, хотя в студенческой среде выпивание «из горла» не считалось плебейством, а даже носило оттенок какого-то гусарства. Впрочем, если была такая возможность, они с Димоном предпочитали все-таки пить из стаканов. В летнее время раздобыть такую посуду не составляло труда – весь Невский был уставлен автоматами для продажи газированной воды. Граненые стаканы, чей классический дизайн по легенде был создан самой Верой Мухиной, в изобилии стояли в нишах этих автоматов. Там же, в нише, находилось нехитрое устройство для мытья – ставишь перевернутый стакан на металлический кружочек, надавливаешь – и струя воды бьет внутрь. То, что край, которого до тебя кто-то касался губами, остается невымытым, никого не волнует. Но это летом. Сейчас же из-за мороза уличные автоматы были закрыты фанерными щитами, а ближайшие работающие находились в универмагах «ДЛТ» и «Гостиный Двор». Идти туда по морозу никакого желания не было, и на зимний период наличие посуды объявлялось «излишним эстетством».

Серый взял протянутый «кубок» и, наполнив его ромом, протянул гостю. Тот, приложив руку к сердцу, принял его и, посмотрев сквозь стеклянные стенки на мерцающую лампу дневного света, продекламировал:

«Нам пить вино запрещено,
Что ж, так тому и быть!
Но если уж придется пить,
Пей доброе вино:
И смех, и грех – гореть в аду

За то, что ты лакал бурду...»

Затем опрокинул порцию рома в себя, молодецки крикнув.

– Хайям? – с видом знатока спросил Димон.

– Вы не поверите – Гете. Иоганн Вольфганг фон. А что, мои юные друзья, не продолжить ли нам приятную беседу за пиршественным столом? Я угощаю.

«Голубой, похоже, – подумал Димон. – И рюмочка эта красивая, и беретик, и стихи... Сейчас в гости позовет, книжки редкие показывать будет. Ну, да что он нам двоим сделает? Можно и сходить из интереса». Словно прочитав его мысли, Иблисов добавил:

– В гости я вас не зову – стеснен обстоятельствами, но тут неподалеку знаю достойное нашего общества местечко. Принимаете приглашение?

– Принимаем с благодарностью, – поспешно ответил за двоих Димон.

Застегнув куртки и заткнув недопитую бутылку сложенным фантиком от конфеты, друзья вышли в морозную темноту за Иблисовым. Философ сразу взял хороший темп и бодро двинулся по Невскому в сторону Мойки. На улице стало еще холоднее, и Димон, потирая замерзшие уши, уже начал жалеть о покинутом теплом месте за кассой. Но путь оказался недолгим – перейдя через Мойку, Вил Аполлионович трусцой перебежал на нечетную сторону Невского и гостеприимно распахнул дверь маленькой котлетной на углу.

– Прошу вас, господа. Не башня поэтов, но светлые умы здесь появляются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.